

КИМ БАЛКОВ

ДУШЕВНАЯ СМУТА

РАССКАЗ

Захар Портнягин, седобородый и головастый мужик лет шестидесяти пяти, побряхывая, вышел за ворота, придиричиво оглядел маленькими, круглыми, с рыжинкой глазами высокий, сажени в полторы забор, в котором и малой щели не сыщешь: плахи легли одна к одной, жёлтые, поискривающие смолью, как бы даже обильно облитые ею, тягучей, и остался доволен тем, что увидел. Прежде-то тут был не забор, заборчик скорее, покосившийся, раскачиваемый и на слабом ветру, поскрипывающий всеми своими внутренними прожилками. Но не это сделалось причиной того, что решился он поставить новый забор. Другое...

Сосед подошёл, Митрий Хворов, сутуловатый и егзливый мужичонка примерно одного с Захаром возраста. Был он в старенькой, шибко потёртой куртке да в кепчонке, надвинутой на глаза. Подошёл, подпрыгивая на одной ноге; другую-то потерял по пьяни, забредя в тайгу невесть по какой надобности: сроду не держал в руках ружья, хотя и любил поговорить об охоте на большого зверя. Ну, забрёл в тайгу-то и заплутал, а в ту пору мороз стоял лютый, к тому ж ветрище хлестал будь здоров как, рвал в клочья толстые суковатые ветви с дерев. Митрий, и вовсе ошалев, не сыскал тропы, чтоб вывела на поселье. Мешком с картошкой свалился, ослабнув, на снежную землю и заснул, бедолага. И не проснулся бы, да местный егерь в ту пору

БАЛКОВ Ким Николаевич родился 15 сентября 1937 года в Бурятии в семье учителя русского языка и литературы. Окончил среднюю школу в Баргузине, работал в лес-промхозах. В Иркутском университете учился вместе с В. Распутиным, А. Вампиловым, А. Румянцевым. Затем работал в Комитете по телевидению и радиовещанию Бурятской АССР. С 1969 года профессионально занимается литературой, член Союза писателей России. Автор множества романов, повестей, рассказов. Лауреат Большой литературной премии России.

обходил подконтрольные ему лесные угодья, он и наткнулся на Хворова, приволок его еле живого в свою зимовейку, отпоил чаем, а потом, запрягши в узкие, на тонких гибких полозьях сани, кличимые в народе перевёртышами, густошёрстную тощую лошаде́нку, свёз Митрия в больничку. Там и оттяпали ему ногу.

— Ну, чё?.. — спросил Хворов, опираясь на палку и пританцовывая. — Бойко ль движется дело-то?..

— А чё с им станется? — ответил, прищурясь, Захар. — И то ладно, что не бежит впереди меня, рядом со мной держится.

Не спеша, а как бы даже с толком и с малыми остановками обошли новенький забор, нагло вскинувшийся над ближней округой, отгородивший от прочего мира неказистый домишко с хилым щелястым крыльчком о три ступеньки да с мутно-серыми подслеповатыми окошками, скорей, похожий на степную юрту, чем на избу, после чего сели на скрипучую лавчонку, сохранившуюся от прежнего времени. Митрий, утерев со лба пот широкой бугристой ладонью, отыскал в глубоком кармане куртки пачку с сигаретами, закурил, а Захар, привычно задумчиво теребя бороду толстыми корявыми пальцами, сказал едва ли не с грустью:

— Дороговато обошёлся мне заборчик-то. Я ж не миллионщик какой, пенсионер.

— А кто ж заставлял городить? — хмыкнул Хворов. — Я ж боял, неча дурью маяться. Да ты и слушать не хотел, упёрся: надо да надо, пошто бы на погляд выставлять свою задумку? Сглазят. — Вздохнул, как бы даже устало и виновато, хотя и не знал, в чём его-то вина?.. — Неча пенять на соседа, коль у самого рожа крива. Видал нынче работяг с лесопильни, с похмелья маются, спрашивают: а твоему соседу и впрямь ничё боле не надо? Мы б подобили, чего ж?.. — Чуть только помешкал: — А ты никак целую неделю поил-кормил их?

— Было дело, — вяло ворочая языком: с чего-то вдруг сухоту ощутил в горле, хотя вчера не брал в рот и капли спиртного — опротивела водка, и не глядел бы на неё! — проговорил Портнягин, изгудрясь. — Ить у нас как? Не подмажешь — не поедешь. На том и стоим, поди?

Ближе к полудню пошли на берег Байкала, подле поселья пологий, обильно заросший колючим кустарником, спустились к плоскому, искрянно-белому урезу воды, нынче слегка колеблемому, взгригающему от припадающего к нему ветерка, к тому месту, где стояла лодчонка, привязанная к одинокому берёзовому дереву. Должно быть, в своё время пало семенем с крутоярья, принесённое шальным верховичком, и пустило на удивленье всей здешней округе живые корни, а потом потянулось вверх, разлапистое и упругое, как бы даже на зло кому-то.

Захар нутром чуял несхожесть дерева с тем, что возрастало в околотке, жалел его и, придя на берег, норовил погладить ладонью и сказать хотя бы мысленно чего ни то ласковое и утешливое. Иной раз мнилось, что берёза в ответ как-то по-особенному, противно ветру, который с утра до ночи нещадно раскачивал её, бледно-синюю, шелестела ветвями, а нередко и вызывала отлегшее от древесного нутра что-то тихое и грустное.

— Ну, будет тебе! — в те поры огорчённо и как бы виновато разводил руками Захар и чуть слышно ронял наземь убогие слова, которые не больно-то нравились ему, но и придумать что-то другое не умел. — Ить живём же! Чего ж ещё-то?..

Вот и теперь, отвязывая лодчонку от дерева, Захар мысленно сказал те же слова и опять подосадовал на себя. Вдруг пришло на память нечто из недавней поры, если и не поломавшее его жизни, то повернувшее её к чему-то несвычайному. А было так. Сидел тогда за кухонным столом у соседа, потягивал помаленьку из гранёного стакана водочку местного производства, никуда не поспешая: старуха-то у Хворова надьсь уехала в райцентр, сказала, чтоб не ждали её нынче, заночует у старой приятельницы. В магазин-то теперь не сунешься, цены там сумасшедшие. Ему ли, у кого дырка в кармане, иль Митрию тягаться с ними? “Да пошли они все к едрени фене. Мы чего другого същем, не первый год живём на земле”. Порешили так-то и сыска-

ли чего ни то подешевле. И теперь сидели и чем дальше, тем чаще подносили ко рту стаканы и всё больше косели. А когда и вовсе в голове сделалось смурно, на сердце свычно с их душевной природой пала печаль-тоска. Захара потянуло на берег. Митрий не захотел отстать от приятеля и, ловко орудуя костылём, поскакал птицей-подранком следом за ним. Когда ж добрались до тупорылого камня, обросшего тёмно-рыжим мхом, на котором сиживали не однажды, слёту упали на него и вытянули ослабевшие ноги. А время года Захар, не сразу сообразив, с чего бы вдруг, хрипло и задыхливо затянул:

*Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко...*

Митрий, не мешкая, подхватил песню и тут же запомнил про всё на свете, точно бы никого нынче рядом с ним не было, кроме бродяги, вознамерившегося переплыть Байкал в омулёвой бочке. Понятное дело, задумка не ахти какая: небось первый же ветер скovyрнёт бочку с волны, и тогда поминай как звали. Митрию было жаль бродягу. Но чем он мог помочь ему?.. Странно, что нынче думал так. Знал же, что тот переплывёт Байкал и на другом берегу повстречает матушку. Знал, а переживал. Одно успокаивало, что пловец был не из робких: ведь обманул же царёвых слуг, обвёл их вокруг пальца. И почувал волю. Славно-то как! Теперь всё в его власти. А коль повезёт, то и на морскую волну найдёт управу.

Митрий, в отличие от Портнягина, чувствовал мелодию, не отставал от неё, но и впереди неё не бежал. Жаль только, не всегда удавалось защитить песню. Мог бы поругать приятеля, которому медведь наступил на ухо, да не хотел. Малость повздыхал, когда Захар уж больно налёг на голос, а переждав, постарался слушать только себя. И, как нередко случалось, сумел настроиться на нужный лад и довёл песню до конца. После чего вытащил из кармана тёмно-синей куртки пузатую посудину, похожую на тусок, — в ней жена хранила разные лечебные травяные настои, — потряс ею, поднеши к уху, сказал:

— Булькает ишо. Зараза!

Быстро управились. Помолчали, прислушиваясь к себе, точно бы норювля уловить то, что осталось в душе от песни, а потом поговорили про то, что надо бы поменьше потреблять самодельную водку, поди, не зря бабы на поселье поругивают её, бают, что вся беда от супостатной. Вон и на прошлой седмице мужичонка в райцентре траванулся ею и угодил в больничку, а там едва отводились с ним.

Конечно, надо бы отказать от самогонки. Опять же, на какие-такие шиши магазинскую водку брать? Беда прямо, и так худо, и этак. Не разбери-поймёшь, куда податься честному человеку, к какому порогу приткнуться?..

Повздыхали, поохали, а потом Захар вроде бы ни с того ни с сего дурно заблестел глазами и как бы разом ошалел от мысли, что нечаянно пришла в голову, и была упругая и лёгкая, и не приведи как подзуживала. Надо сказать, так случалось часто. Что-то вдруг накатывало, и он не умел откеститься от забредшей на порог мысли и тянулся за нею, хотя порой страсть как не хотелось ломать в своём душевном состоянии. Только что из того-то?.. Промелькнувшее, хотя бы и вовсе несвычное с его теперешним сердечным укладом, укреплялось, и он поступал так, как никто от него не ждал. К примеру, мог, словно бы подхваченный нечистой силой, уйти из артели, которая перебирала на берегу сети, подняться на вершину высоченной крутолобой скалы, а потом сесть на тупорылый камень и долго пребывать на верхотуре, невесть о чём размышляя, но чаще о том, чего никогда с ним не случалось, но могло бы и случиться, если бы повернулось по-другому.

Попервости рыбаки досадовали на него, потом привыкли и только ухмылялись, когда он выкидывал что-либо, не согласное с артельными правилами. Вот такой он... И ничего тут не попишешь. Вдруг да и останавливался посреди поселья, хватался руками за голову и долго держался за неё, мыс-

ленно отодвинув себя от тех, кто крутился подле него. И не сразу отвечал даже на любезный, не в обиду ему спрос. “Чокнутый какой-то”, — говорили про него. И это, пожалуй, было так. Хотя никакого вреда от него не было никому, он лишь ненадолго закрывался на все замки и уж никого не слышал и никого не видел, общался только с тем, что нечаянно было явлено ему. Чудно? Наверно. Опять же где сыщешь ту причину, которая нет-нет да и переворачивает всё в душе, и заставляет устремляться мыслью в те дали, куда нету никому доступа?

— И я смог бы переплыть море в омулёвой бочке, — хмельно, поспешая со словами, сказал Захар после мысленного хождения по дальним чужим землям. — А чё?..

— А вот и ничё... — ответил Митрий, привычки к приятелю и к его выкрутасам, которые чаще появлялись, чтобы тут же, не обретя надобной опоры, раствориться, как синюшные ночные пятна в голубом пространстве. Это происходило обычно, когда Захар бывал в подпитии. Наверно, поэтому он не всегда помнил о них и не сразу мог сказать, отчего третьеводни его потянуло в тайгу, да не налегке, а в полной охотничьей справе и со старым дробовичком, закинутым за спину, — до начала сезона времени-то ещё огого сколько! Хорошо, Митрий в ту пору оказался на соседском подворье, он и не дал приятелю выйти за воротца. Смеху-то было бы на всё Подлеморье!..

Захар, кажется, и нынче почувствовал нечто, что всё поменяло в нём и сделало несходным с самим собой, в сущности тихим и скромным малым, который, когда во трезвях, ходил по улочкам осторожно и с опаской, как если бы стесняясь, и ничего ни от кого не требовал и обходился тем, что отпало от общей людской судьбы. Только вот напасть: его часто заносило, и ему делалось тесно в том мире, в котором он вынужден был жить, и хотелось чего-то неведомого. В том-то и дело, что неведомого, никем не потревоженного... Портнягин впервые услышал это слово, надо думать, в местном православном храме, куда нет-нет да и заходил, чтоб постоять в толпе молящихся, поглазеть на иконки, повздыхать, чувствуя, как на сердце становится всё спокойней, ни к чему не притягиваемо и ни от чего не отталкиваемо. Это слово крепко запало ему в память. И к месту ли, не к месту ли он приносил его, прислушиваясь к звучанию, и всякий раз отмечая в нём некую новину.

Как-то в удачливый для жителей Подлеморья сезон, когда омулёвые косяки запрудили ближнее водное пространство, он выловил в лодке, доверху нагруженной рыбой, маленькую лупоглазую серебряную рыбку и показал её артельщикам, восклицая: “Вот чудо-то, а?.. Прямо сказать, неведомое!..”

Рыбаки не приняли его восторга. Сказал кто-то, поморщась:

— Чё тут неведомого? Обыкновенна голомянка. Живородяша. На морском дне живёт. Непонятно токо, с чего бы поднялась на волну, с какого-такого зачумленья? Ить она вся из жиру, и ужась боится солнца. Скоро, надо быть, растает у тебя в ладошке, и ничего от её не останется, разве что тонкий скелетик.

А когда так и случилось, Портнягин расстроился, но взял себя в руки, вынул из холщовых штанов белую тряпицу и завернул в неё скелетик и запрятал в нагрудный карман широкой сатиновой рубахи, которая была на нём. Когда ж пришёл домой, положил скелетик на полочку под образа, а потом долго сидел в переднем углу, хотя Гланя уж сняла с печки сковороду с жареной рыбой и два раза заглядывала в горницу, любопытствуя, что-то там поде льывает муженёк, однако ж и малым словом не потревожила его, поскольку уж давно взяла в соображение, что не глянется Захару, когда норовят помешать движению его мысли. Кстати, про это он сам сказал Глане чуть ли не в первый год их совместной жизни. И она запомнила, а со временем это сделалось правилом для неё, которому она следовала неукоснительно, хотя порой и хотелось поломать его. Но что значит наши желанья, если ни к чему не влекут? Не лучше ли избавиться от них?..

— А давай на спор, — поправляя на себе рубаху, загоняя её под широкий кожаный ремень, сказал Портнягин, — что переплыву Байкал в омулёвой бочке не хуже того бродяги?

— Чего ж, давай, — хмыкнул Митрий, протягивая Захару загорелую руку. А когда уверовал, что спор ничем не угрожает ему, обронил весело: — На ящик водки. — Помедлив, уточнил: — Ясно дело, с магазину!

— Идёт! — кивнул лобастой головой Захар Портнягин.

Он и сам удивился собственной прыти. Откуда у него такие деньги-то?.. Ну, есть, конечно, кое-что в заглазнике. Уж который год Гланя откладывает на “чёрный день”. Только можно ль пустить на ветер заначку? Но павшего с языка не воротить. Уронил на руки жёлтую, в белых доскутках, голову, мало-помалу трезвея, и неожиданно для себя заглянул в своё прошлое, хотя туда раньше не тянуло. Он и не думал о нём, как если бы всё, что было прежде, сделалось невозвратно.

Никто на поселёе, кроме жены, не знал, откуда он родом и отчего много лет назад он приехал на Байкал и сразу же пошёл в рыболовецкую артель наниматься на работу. В те поры там нужны были молодые сильные руки, и башлык ни о чём не спросил у Захара. Впрочем, если бы даже спросил, вряд ли получил бы вразумительный ответ. И вовсе не потому, что Портнягину было что скрывать, скорее, потому, что как раз нечего было скрывать. Ну, жил с бабкой в деревне под Рязанью. Отца с матерью не помнил, померли они, когда ему не исполнилось и года. С грехом пополам окончил среднюю школу, а потом пошёл в армию. Отслужил своё и подался на Байкал, про который много чего слышал от сослуживцев, и загорелся... В отчей деревне уже никто не ждал его, бабка к тому времени отдала Богу душу, а колхоз, где можно было чего-то сыскать для души, развалился.

Странно, кто бы мог подумать, что спор, который случился у приятелей на берегу Байкала, выльется во что-то серьёзное. Во всяком случае, Митрий уже на другой день запомнил про него. Зато не запомнил Захар. Куда там!.. всю ночь не сомкнул глаз, ворочался на неразобранной постели и неведь что бормотал под нос, но чаще какие-то обидные, не приемлемые его душевной сутью слова. И откуда только скатывались к нему, упрямые? С потолка, что ли?.. А и впрямь порой что-то затеняло потолочную белизну, как если бы ночные птахи залетали в окошко, растрёпанные и жалкие. Встать бы с кровати и открыть форточку, прогнать бестолковых птах, а не то побьются. Да не хочется и рукой пошевелить. Опять же что-то подсказывало: не надо этого делать, птахи явно из другого мира, в здешнем лесу их днём с огнём не сыщешь. Может статься, для того и спустились с неба, чтоб подтолкнуть его принять надобное решение.

Утром Захар не сказал бы: подсобили ему небесные птахи, нет ли?.. Надо быть, подсобили. Вот только незадача: как-то жена отнесётся к этому?.. Нет, она, конечно, не станет кричать на всю улицу, что он мается дурью, это ж надо придумать — “смертную денежку” пустить на ветер. Гланя, может, и промолчит, а только досада, небось, станет точить её. А что будет потом, одному Богу ведомо. Знает: иной раз и самый слабый вдруг да и выкажет норы и хотя бы на малое время почувствует себя сильным и дерзким, и возгордится. Иль не так нет-нет да и случается с Митрием?.. Иной раз Хворов, как если бы ни с того ни с сего, но чаще из-за кем-либо высказанного неверия в его способность быстро передвигаться по земле, опираясь на костыль, так распахнется, что и на одной ноге, обгоняя двуногих, ускачет куда ни то, к примеру, на берег Байкала, где в давнюю пору был поставлен православный крест в память о погибших в братоубийственной войне, и долго будет живым столбиком торчать на холмике близ креста, и по сию пору вроде бы не утратившему новизны, и дожидаться, когда подойдут жители поселёя. Они раз в год приходят к кресту и сидят на холмике, толкуя о разном, и почти никогда о том, что нет-нет да и вгоняет людское племя во тьму неверия и в отчаяние, после которого душа делается пуста и как бы даже никому не надобна ни на том свете, ни на этом.

С того утра всё и началось. Благо, жена в ту пору гостевала в райцентре у младшего сына, приглядывала за его мальцом. Гланя и к старшему сыну в Иркутск частенько ездила и водилась с мальшней. Короче, в последние два года редко когда бывала дома, переложив хлопоты по хозяйству на мужа. Впрочем, велики ли хлопоты? Так, по мелочи: курочек ли покормить,

козу ли дерезу выгнать со двора да проследить, чтоб поменьше лазала по чужим огородам. А уж вовсе-то отвадить её от этой привычки и не пытайся. В крови у неё пакостливость-то, из-за которой Портнягину перепало от соседей. Короче, никто теперь не мешал Захару. Живи, как хочет твоя душа. Да, конечно, не просто было воспользоваться семейной заначкой. Долго стоял возле тумбочки, где супруга хранила её, и не сразу развернул бумажный, невзвешенный отчего изрядно взмокревший сверток. А потом переложил часть денежек в свой карман и, вздыхая, вышел из дому. У него уже была договорённость с работниками лесопилни: обещали те, что нарежут ему сколько надо и какой угодно доски, коль скоро согласится в конце каждого рабочего дня, пока будут заняты на распиловке, потчевать их водочкой, и непременно с магазином, потому как они мужики справные и не охота им помираться раньше отпущенного Провиденьем срока от употребления злой самогонки.

Неделя ушла на то, чтоб напилить досок. И всё это время работяги с лесопилни ходили с красными глазами да с опухшими лицами. Но никто на поселё не догадывался, отчего бы?.. Работяги умели соблюсти свой интерес. Но вот Гланя приехала из райцентра, увидела забор и обрадовалась: “А чё, давно пора отгородиться от чужого глаза. Ить всякий бывает глаз-то, опять же и дурной!” Другое смутило: с чего бы Захар попервости сварганил забор, а не крыльцо, к примеру, которое спасу нет как застарело? Да и крышу не мешало бы перестелить. Про то и сказала, и услышала в ответ обнадеживающее:

— Всему своё время!..

Может статься и так. Поверила Захару, а в тумбочку, где лежала заначка, и не заглянула даже. И через день уехала. И уж никто не мешал Портнягину. Разве что иной раз Митрий говорил чего ни то с ехидцею, смущённый настырностью приятеля. Но тут же и замолкал, увидав, как тот разом менялся в лице. Вздыхал: “Помолчу-ка... Портняга-то не в себе. Ишо чего отмочит. Да ну его, связываться. Себе дороже!” И, когда Захар просил помочь, не отказывал. А иной раз спрашивал:

— Забор-то и впрямь для того, чтоб никто не увидал, как ты маешься дурью?

И говорил Портнягин как бы даже с недоумением:

— И для этого тоже.

Захар поднял забор, сколотил новое крыльцо, отладил крышу. Всё честь по чести. Потом сходил на окраину поселё, где жил старик, которого звали Дед — Сто лет, поспрошал у него, как, из какого матерьялу раньше собирали омулёвые бочки. “Теперь-то уж таких, поди, днём с огнём не сыщешь?” Кое-что вызнал и остался доволен.

Ещё неделя понадобилась для того, чтобы сварганить бочку из толстых сосновых плах. Тут уж дело пошло веселее. Хворов в прежнее время, когда стоял колхоз, ладил для артели бочки. Поднаторел в этом непростом деле, да и, правду сказать, наскучали руки без любимого занятия и теперь, дорвавшись до него, заставили запомнить про всё прочее. Чуть только солнце поднималось над гольцом, бежал на соседское подворье, где и пропадал до глубокой ночи. Зато и ладная вышла из-под его руки бочка, хотя и не шибко свичная с теми, что сколачивал прежде, вроде бы как не круглая, а восьмиугольная. Впрочем, уголки были малоприметные, обыкновенно людским глазом и вовсе не замечаемые. Вон и Захар не сразу разглядел их. И то в радость Митрию. Он уж который день не потреблял водочку, вроде бы нависто запомнил про неё. Когда ж приятель намекал: дескать, может, мы того-самого по вечеру-то, а?.. — досадливо отмахивался, говоря, что не время. И то ещё было удивительно для Хворова, что руки, вроде бы уже отвыкшие от тонкой работы, порой делали то, чего никогда не делали раньше, словно бы кто-то невидимый управлял ими и ставил доску на сгиб, которого тут не должно быть. Эта чудная соединённость с чем-то, легко и весело зависающим в небесном пространстве, была по душе Хворову, и он удивлялся, отчего не замечал этого прежде, и теперь опасался, что больше такого не будет, и потому тянул с бочкой-то. Не поспешал... Впрочем, не станешь же дурковать до скончанья дней, где-то ж надо поставить точку. И он-таки по-

ставил её. После чего присел на табурет, вынесенный для него из избы, вытянул ногу, старательно оглядел её и пробормотал в давние поры страдальцами на смертной тоске рождённое:

*Хорошо тому живётся,
У кого одна нога:
И ботинок меньше рвётся,
И не нужно сапога.*

После чего грустно добавил:

— Кажись, всё.

Посреди ночи, — надо ж соблюдать тайну, как же без неё-то? Скучно стало бы без неё! — выкатили бочку на берег Байкала, подтопили на мелководье, придавили днище камнями: пущай обмокнут густо просмолённые плахи, втянутся друг в дружку намертво, — и пошли домой. И всю ночь просидели, попивая водочку и нахваливая себя. Разошлись поутру, чтоб на другую ночь снова сойтись на новом крыльце. Опохмелились и спустились к Байкалу. Освободили бочку от камней, а потом поставили её на шутрую, подгоняемую култуком волну, перед тем подняв над нею парус из куска белого сатина, который Гланя намеревалась использовать для нарезки простыней: старые-то уж больно износились.

— Ну, я готов к отплытию, — бойко сказал Захар. А помедлив, добавил: — В другие миры, про которые мы чего-то слыхали, но ни разу не ходили туда.

Бойкость вышла слабая, никлая, как если бы не от души, и Митрий уловил это сердцем и, кажется, только теперь осознал: всё, что предпринято ими, предпринято не шутки ради. До шутки ли тут, коль скоро и море рядом, и омулёвая бочка покачивается на волне? А может, ещё обойдётся, и Захар махнёт рукой на свою задумку и скажет, рассмеявшись:

— Ну, ладно, подурили и хватит. Не малые дети — седобородые мужики.

Но Портнягин ничего не сказал, стоял, задумчиво глядя перед собой, словно бы видел впереди что-то. А и впрямь, перед ним нынче возникали невесты какие картинки, чаще те, про которые вроде бы и не должен помнить. То видел себя пацаном вовсе, пришёл тогда в школу, там старшеклассники давали концерт для выпускников сельской школы прошлых лет. Он сроду никуда не ходил, а тут припёрся, теперь уж не помнит, по чьёму наущению. Стоял у настежь распахнутой двери, переминался с ноги на ногу. К нему подошла незнакомая женщина с длинным узким лицом, в сиреневой косынке, спросила:

— Мальчик, ты чё не проходишь в зал?

Он искоса глянул на неё, буркнул:

— Не хочу.

— Отчего же? — удивилась она. — Это ж так интересно — провести вечер с друзьями.

— А мне неинтересно.

Сказал ли, подумал ли так, теперь и не помнит. Зато хорошо помнит, что с малолетства глянулось ему быть одному, а на людях он чувствовал себя не в своей тарелке. Но его не оставляли в покое, нет-нет да и подсосеживался к нему кто-либо и говорил легко:

— Ты чё, Захарка, такой грустный?

Он обижался и отвечал, досадуя, но порой и спокойно:

— Да не грустный я. С чего бы мне быть грустным?

Ему не верили и норовили заглянуть в душу. Так было в школе, так было и в армии, а потом и на Байкале. Нет, попервости тут всё складывалось куда как удачно. Никто не лез с расспросами, для всех он был новичком, чужой косточкой, случайно заброшенной на берег *священного моря*. Пройдёт от силы полгода, и он, как и многие до него, умогает отсюда. Короче, Портнягин не был никому интересен. Разве что одноногому, художелому мужичку с кучей рыжей бородкой прозваньем Митрий. Тот почему-то потянулся к но-

вичку и старался угодить ему даже там, где никакого угождения не требовалось. И, что самое удивительное, мужичок чем-то поглянулся Захару, и он охотно вступал с ним в разговор, хотя бы ни к чему и не влекущий, надо быть, для того только, чтоб язык не отсох от игры в молчанку. Но с каждым разом меж этими людьми укреплялось чувство локтя, и им становилось всё трудней обходиться друг без друга. Захар, в сущности ни с кем никогда не видевший дружбу, удивлялся этому, но и поменять ничего не хотел.

В первые дни по приезде в Подлеморье Портнягин с утра до ночи пропадавал на берегу Байкала, и всё ему тут было в радость. Любил слушать, как шумели волны, когда скатывался с высоченных скал верховик. Весело и гомонливо. А коль скоро напряжешь в себе, то и уловишь в плеске поутру слабых, едва вздымающихся волн какие-то чудные звуки, как если бы обозначающие некие слова-знаки, правда, произнесённые на другом языке, и захочешь понять, о чём рассказывает сибирское море, а только не сумеешь понять. Но то и ладно, что не расстроишься, безоглядно признаешь за Байкалом право поступать так, как ему хочется. Захар любил наблюдать и за чайками, когда те кружили над морем. Он следил за их суетливым полётом, и его тянуло сказать белым птицам, что всё идёт как надо и нечего изводить себя: море-то рядом, и рыбы в нём куда как много, так что им не грозит помереть с голоду. И он, кажется, говорил, и не всегда мысленно, но чайки не слушали, и бывало, устраивали меж собой драку, норовя вырвать у белокрылого соседа красноперую рыбину, которую тот держал в клюве. Захар не обижался на морских проказниц, думал, придёт время, и он научится понимать птичий язык и займётся их воспитанием.

“Да уймись вы! Иль не стыдно из-за ерунды затевать ссору? — говорил он. — Чего обижаться на соседа, на то, что он оказался проворней? В другой раз и тебе повезёт”.

Через год Захар женился. Жена попалась ладная, хозяйственная. Стали жить с нею в небольшом бревенчатом домике, круглыми подслеповатыми окошками глядящем в море. Близ крутобокого холмика, обильно заросшего разными лесными травами, сварили огородец. Завели кое-какую скотину. Пошли ребятишки. Рыжеволосые, мордатые. Бравые. Чего ж ещё надо-то?.. Всё вроде бы у Портнягина нынче есть. Но тогда почему, когда спало очарование, нагнанное здешней землёй, но, может, даже не так, не то, чтобы спало, а сделалось спокойней и не так живо и слёту воспринимаемо, на сердце начало поднывать. Попервости помаленьку, но с годами всё больше, как если бы чего-то упустил в жизни, к чему-то не подтянул себя. Сплоховал. Всё чаще стал вспоминать степную деревушку близ Рязани да малую серебряную речушку, протекающую возле неё, куда бегал пацаном с удочкой в руках. Бывало, что и налавливал мелочь разную, тех же гольянов, и радовался, хотя знал, что и этот его улов матушка пустит на прокорм кошке. А ещё ему приходило на ум от давних лет отлежшее и вроде бы уже начисто позабытое, но получается, что нет, вот ведь чудно-то как...

Ну да, конечно, было и такое, чего уж тут. Неловко вспоминать, а никуда от этого не денешься, всё-то маячит перед глазами. Захару тогда десять лет стукнуло, и поглянулась ему девица одна, глаз бы от неё не отводил. Таскался за нею по всей деревне. А когда оказывался чаще нечаянно рядом со статной девицей с нежно-розовой на руках кожей и с едва обозначенной грудью, стыдливо опускал глаза, чтобы только лишний раз не заглянуть в вырез ситцевого девчоночьего платя, и молчал, упорно катая ногой камушки, рассыпанные по деревенской улочке. Девица была постарше его лет на пять. И она очень скоро догадалась, отчего пацанёнок преследует её, и при этом слова не скажет, этакий чудной человек. И однажды ближе к вечеру взяла его за руку и спросила негромко:

— Ты хочешь дружить со мной?

Захарка ещё ниже опустил голову, пробормотал чуть слышно:

— Хочу...

— Ну, тогда пошли...

“Куда?” — тянуло спросить, да язык уж не подчинялся ему, сделался вялым, а в горле страсть как пересохло. Хотелось пить. Но терпел, хотя

сбочь степной тропы, по которой шли, в шаге от неё, одышливо журчал ручей, пробивая себе дорогу. Ещё немного, и Захар не выдержал бы и шустроной кабарожкой метнулся бы к утопающему в золотистых блёстках от низко зависшей над землёй круглой луны тонкому урезу воды, да не успел. Девушка как раз к тому времени сошла с тропы и подбежала к высокому стогу сена, ставленному с неделю назад, ещё не окрепшему, колеблемому упавшим с ближнего лесного взгорья шальным ветром, хмельно пахнущему. Поманила к себе пацана. И, ухватившись руками за берёзовый стяг, прислонённый к стогу, ловко вскарабкалась на плоский сеной гребень и уж оттуда крикнула:

— Ну, чё ты? Лезь ко мне!..

Захарка какое-то время переминался с ноги на ногу, но, в конце концов, теперь уж и вовсе не понимая в себе, да и в том, пожалуй, тоже, чего хотят от него, ухватился за шест. А потом... Что же было потом?.. Стыд-то какой! И ничего не скажешь. Подевались куда-то слова. Но, может, едва сорвавшись с языка, провалились в бездну?.. Так ли, нет ли, кто скажет? Уж потемну он спустился со стога и медленно, едва переставляя ноги, поплёлся в деревню. Девушка сказала, что заночует на сене, ей не впервой... После этого он не видел её ни разу, не хотел видеть.

— Вот напасть-то!.. — со смущением сказал Портнягин. — Вспомнится же такое!..

Хворов хотел бы спросить у приятеля, что случилось, отчего тот вдруг даже в лице поменялся, но не спросил. Налетел верховик и сдвинул омулёвую бочку с места, и Митрий едва удержал её в запруде, сооруженной ими из камней. Сказал, передохнув, о другом:

— Скоро култук придёт, а мы ещё не выпили на дорожку.

Портнягин кивнул и полез в сумку с продуктами. Вытащил бутылку водки, пару рыбьих хвостов.

Управившись с едой, приятели долго сидели, не глядя друг на друга, точно бы пребывали в смущении и не понимали, что же дальше?.. Но вот Захар поднялся с земли, обронил вяло:

— Ну, я того-самого... Поехал, однако.

Подошёл к омулёвой бочке. Залез в неё и, налегши телом на короткий толстый багор, оттолкнулся от берега.

Митрий во все глаза, напрягшись и ни на минуту не умея избавиться от напряжения, смотрел на отплывающую омулёвую бочку, из которой торчала рыжеволосая взлохмаченная голова приятеля, как на что-то диковинное, чего не должно быть, но что почему-то случилось, и так сдавливало на сердце, что и свету белому был не рад. Он не отрывал глаз от бочки, от паруса. Была б теперь его воля, сказал бы Захару, чтоб тот возвращался. Но в том-то дело, что не было этой воли. Не ей подчинялся он нынче, а чему-то другому, нависшему над ним, грешным. Может, вон тем рваным облакам, что напоминали скачущих по синей степи длинногривых коней. Но может, и не им даже, не скакунам, а тому, кто управляет ими, по всему видно — большому и сильному, но ни с какой стороны не видимому. Как же пойти противу него? Достанет ли сил? Куда там!.. Слаб человек. Надо быть, и Захар в какой-то момент подчинился чужой воле и сделал то, чего и не хотел бы. Но может, тут было что-то другое?.. Поди знай!

Митрий смотрел на то, как омулёвая бочка отплывала всё дальше, постепенно утрачивая свои очертания. И вот уж от неё осталась маленькая круглая точка. А потом... потом море взыграло, погнало тёмно-рыжую волну, и та в какой-то момент едва не коснулась враз почерневшего неба, и тогда белая точка пропала. Как если бы её и не было вовсе.

Господи! Прости и помилуй нас, грешных!..